Такова А.Н.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина 18
sanatakova@yandex.ru

Атеистическая работа и повседневные религиозные практики в Кабардинской АССР¹ в 40–50-х гг. XX в.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации атеистической работы в одной из республик Северного Кавказа – Кабардинской АССР – в 40–50-е гг. XX в. Анализируются основные направления реализации данной работы: 1) опосредованная – атеистическая работа с использованием имевшихся на тот момент средств массовой информации; 2) непосредственная – работа,

реализуемая путём прямого общения пропагандистов-агитаторов с аудиторией на местах. Дается общая характеристика особенностям реализации атеистической работы в данный период, используемым для этого приёмам и методам. Делается акцент на широкое распространение естественнонаучных взглядов вкупе с основами марксизма-ленинизма в противовес религиозным представлениям. В работе указывается на ряд ключевых проблемных моментов, снижавших качество и результативность проводимой полевой атеистической работы – нехватка специалистов, излишняя нацеленность на массовость, отсутствие адресности. Также в статье анализируются религиозные процессы, происходившие в республиканском социуме в рассматриваемый период. Здесь основное внимание уделяется выявлению реального места, занимаемого религией в повседневной жизни жителей республики. Рассматривается деятельность служителей культа, функционирование религиозных общин и культовых зданий, распространённость в повседневной практике ключевых религиозных предписаний и участие в главных праздниках. В работе делается вывод о слабом воздействии атеистической пропаганды на религиозность населения республики и устойчивом положении религии в повседневной жизни изучаемого социума. Результаты исследования важны для понимания места, занимаемого религией в Кабардинской АССР 40–50-х гг. XX в., то есть в период так называемой религиозной «оттепели».

Ключевые слова: атеистическая работа, повседневность, пропаганда, религиозные практики, республика, социум, ритуал, обряд

Aleksandra N. Takova

Kabardino-Balkaria research center of RAS
18 Pushkin str., Nalchik, 360000, Russia
sanatakova@yandex.ru

Atheistic Work and Everyday Religious Practices in the Kabardian ASSR in the 40s–50s of the 20th Century

Abstract. The article deals with the features of the implementation of atheistic work in one of the republics of the North Caucasus – the Kabardian ASSR in the 40s–50s of the 20th century. The main directions of implementation of this work are analyzed: 1) indirect-atheistic work using the mass media available at that time; 2) direct-work carried out by direct communication of propagandists-agitators with the audience on the ground. A general description of the features of the implementation of atheistic work in this period, the techniques and methods used for this purpose, is given. The emphasis is placed on the widespread dissemination of natural science views to the masses, together with the foundations of Marxism-Leninism, as opposed to religious ideas. The paper points out a number of key problematic issues that reduced the quality and effectiveness of the field atheist work carried out – the lack of specialists, excessive focus on mass participation, lack of targeting. The article also analyzes the religious processes that took place in the Republican society during the period under review. Here the main attention is paid to the identification of the real place occupied by religion in the daily life of the inhabitants of the republic. The article examines the activities of ministers of worship, the functioning of religious communities and religious buildings, the prevalence of key religious prescriptions in everyday practice, and participation in major holidays. The paper concludes that atheistic propaganda has a weak impact on the religiosity of the population of the republic and the stable presence of religion in the daily life of the studied society. The results of the study are important for

understanding the place occupied by religion in the Kabardian ASSR of the 40s–50s of the 20th century, i.e., during the so-called religious “thaw”.

Key words: atheistic work, everyday life, propaganda, religious practices, republic, society, ritual, rite

Характер реализации и основные направления атеистической работы

Крутой поворот в государственной религиозной политике был обусловлен Великой Отечественной войной. По справедливому замечанию Ю. Джабраилова, он был связан «...не столько с осознанием необходимости изменения вектора государственно-конфессиональных отношений, сколько желанием сохранить социально-политическую стабильность в стране» [Джабраилов, 2014, 195]. Квинтэссенцией произошедших изменений являлось возвращение религии в поле легального функционирования, главным проявлением которого стало допущение официальной регистрации религиозных обществ и групп.

В рассматриваемый период атеистическое направление продолжало оставаться одним из центральных в агитационно-пропагандистской деятельности партийных и советских органов. Её проведение в республике курировал обком КПСС. Кроме того, в структуре всех горкомов и при отделениях ВЛКСМ имелись свои лекторские группы. Также в республике действовало отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, подконтрольное обкому. В его штате, по состоянию на 1952 г., числилось более 700 штатных и внештатных сотрудников [УЦДНИ АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2882. Л. 41]. Правда, пропагандистов, специализировавшихся на атеистической тематике, было крайне мало – 18 человек, согласно данным 1954 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1, Оп. 2, Д. 347, Л. 19].

Стоит отметить, что в изучаемый период атеистическая работа осуществлялась не столько посредством прямой антирелигиозной пропаганды, как это было в предвоенный период, сколько путём активного распространения естественно-научных взглядов, вкупе с марксизмом ленинизмом, которые должны были вытеснить религию из сознания людей естественным образом. Так, например, по данным республиканского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, в 1951 г. из 2221 прочитанной за год в республике лекций, антирелигиозных было лишь 131 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2797. Л. 33], то есть около 6% от общего числа. Как писал по этому поводу руководитель лекторской группы обкома ВКП(б) республики Б. Цавкилов, «...борьба с религией должна вестись не путём угроз, натисков и запретов, а путём воспитания людей в духе научного мировоззрения, путём пропаганды естественнонаучных знаний, сочетающихся с глубокой и всесторонней пропагандой марксизма-ленинизма» [Цавкилов, 1948].

В рассматриваемый период в Кабардинской АССР возможно выделить два основных направления реализации атеистической работы: 1) опосредованное – работа с использованием средств массовой информации; 2) непосредственное – полевая работа на местах.

Основными каналами СМИ в изучаемый период являлась периодическая печать, издание и распространение брошюр соответствующей тематики и, в меньшей степени, радиовещание. Если взять в качестве примера реализации атеистической работы наиболее массовую республиканскую газету – «Кабардинскую правду»², – то обращает на себя внимание тот факт, что в изучаемый период на её страницах статьи прямой атеистической направленности появлялись нечасто. В обязательном порядке ежегодно выпускались материалы разоблачительно-критического характера, приуроченные к ключевым элементам религиозной культуры населения республики, имевшим наиболее широкое распространение (месячному посту – Уразе и к празднованию Курман-Байрама в отношении мусульман и Пасхи – в отношении христиан). Данные ежегодные статьи имели практически идентичное содержание и схему подачи материала. Если взять, к примеру, статьи, посвящённые Уразе [Сабанчиев, 1947; Шоров, 1948; Дзагулов, 1949], то содержательная их часть была выстроена по типовой схеме: 1) изложение исторических причин возникновения данного обычая; 2) обоснование его использования эксплуататорскими классами для «...уг-

нетения и унижения трудящихся» [Сабанчиев, 1947]; 3) упор на вред, наносимый данным обычаем здоровью человека и 4) ущерб, наносимый им народному хозяйству: «...не кушая в течении дня, колхозники истощаются, снижают производительность труда, не выполняют норм. Это ведёт к срыву полевых работ, к снижению богатства колхоза и, стало быть, к снижению материального благосостояния колхозников» [Дзагулов, 1949].

Помимо статей прямой атеистической направленности обращает на себя внимание также обилие материалов, касающихся естественно-научных вопросов. Они печатались в регулярной рубрике «Беседы на естественно-научные темы», выходившей с периодичностью 1 статья в 1–2 месяца. В данной рубрике публиковались материалы, пропагандирующие достижения теоретической науки, объясняющие явления природы, дающие ответы на фундаментальные вопросы о мире и человеке. В статьях не было прямой критики религиозных взглядов и представлений. Однако поднимаемые вопросы, такие, как «Было ли начало и будет ли конец мира?» [Воронцов-Вельяминов, 1945], «Труд создал человека» [Шмидт, 1947], «Есть ли жизнь на других планетах?» [Киринов, 1950] и пр. рассматривались с сугубо материалистических позиций, полностью противоположенных тому, что содержалось в религиозных учениях. В связи с этим атеистический посыл рассматриваемой рубрики вполне очевиден.

Система республиканского радиовещания была восстановлена в КАССР лишь к концу 1945 г. Здесь атеистическая работа была поставлена схожим с печатными СМИ образом, но в меньших масштабах. Передачи прямой атеистической направленности, так же, как и в периодической печати, приурочивались к ключевым событиям религиозной жизни, широко распространённым в республиканском социуме – посту-Уразе, Курману, Пасхе.

В республику регулярно поступали, хоть и в ограниченном количестве, выпускаемые общесоюзным Обществом по распространению политических и научных знаний брошюры соответствующей тематики. В большинстве своём они предназначались не для массового распространения, а в помощь лекторам-пропагандистам. Помимо этого, силами местного отделения выпускалась пропагандистско-агитационная литература на кабардинском языке. Например, в 1951 г. были изданы брошюры «Происхождение человека», «Происхождение и реакционная сущность ислама» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2797. Л. 33]. Однако подобного рода издания выпускались нечасто.

Основным же направлением реализации атеистической работы в изучаемый период являлась непосредственная полевая деятельность пропагандистов на местах. Она велась, главным образом, путём чтения лекций на заранее определённые темы в трудовых коллективах, учебных заведениях, клубах. В подавляющем большинстве эти лекции также приурочивались к посту-Уразе и к праздникам Курман-Байраму и Пасхе. Лекции, посвящённые им, читались массово и практически одномоментно. Ввиду того, что кадровый состав пропагандистов республики, специализировавшихся на атеистической тематике, был, как это видно из приведённых выше архивных документов, весьма малочисленен, реализовать массовое чтение лекций на указанные темы в максимально сжатые сроки не представлялось возможным. В связи с этим к реальной полевой работе привлекались агитаторы, не имевшие атеистической специализации. Этот аспект напрямую влиял на качество проводимой в данном направлении работы, заметно его снижая. Эта проблема была прекрасно известна лицам, курировавшим в республике агитационно-пропагандистскую работу. Наглядным тому подтверждением может служить высказывание Б. Цавкилова о том, как в республике реализуется чтение лекций на тему «Ураза – вредный пережиток прошлого». Чиновник отмечал, в частности, что «...данная лекция читается чаще других в определённые месяцы года. Читали её и в этом году. Но текст лекции не обновляется, фактами из местной жизни почти не пополняется. Пользы от такой лекции мало» [Цавкилов, 1948]. Таким образом, из года в год в республике читалась одна и та же лекция. А беря в расчёт тот факт, что выступали с ней, к тому же, лица, не имевшие соответствующей специализации, возможно предположить, что в реальности это превращалось в формальное зачитывание текста, выполняемое не столько

для просвещения слушателей, сколько из необходимости так или иначе провести запланированное мероприятие. Качество работы, было, соответственно, невысоким.

Также на качество проводимой полевой атеистической деятельности влиял действовавший принцип формирования состава слушателей, где во главу угла часто ставился охват пропагандой максимально возможного количества людей. Подобная форма работы, нацеленная на массовость, с одной стороны, оказывала влияние «... на формирование массового сознания советских граждан и во многом определяла их общественно-политические взгляды» [Никифоров, 2009, 87]. Однако, с другой стороны, за этой массовостью терялась адресность. В итоге контингент слушателей формировался, в большей степени, в случайном порядке. Он охватывал немало людей, не нацеленных на расширение кругозора и/или повышение уровня образованности, не говоря уже о таком глубоком и сложном процессе, как смена базовых мировоззренческих установок. Учитывая вышесказанное, нельзя не согласиться с высказыванием исследователя А.В. Горбатова, полагавшего, что «...степень идеологического влияния пропагандистских рычагов на религиозные институты была ничтожной, а сама работа лекторов в этом направлении по существу бессмысленной» [Горбатов, 2014, 158–159].

Повседневные религиозные практики населения

Последний тезис подтверждается анализом повседневных религиозных практик, имевших место в республике в изучаемый период. Богатый материал по данному вопросу дают, в первую очередь, документы аппаратов уполномоченных – органов, курировавших на протяжении более чем 50 лет (созданы в 1943/44 гг. – ликвидированы в 1991 г.) религиозную сферу на местах. Они свидетельствуют об устойчивом и широком присутствии религиозного компонента в повседневной жизни республиканского социума. Главными его маркерами являлось наличие во всех без исключения населённых пунктах, относящихся ко всем имеющимся в республике религиозным течениям и направлениям, реально действующим, но зачастую официально незарегистрированным религиозных общин, культовых зданий и служителей культа, повсеместное следование основным религиозным предписаниям и участие в главных религиозных праздниках.

В 1946 г. в КАССР было зарегистрировано наибольшее (за весь период 40–80-х гг.) количество религиозных общин – 26. Из них 13 мусульманских, 1 молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, 1 общество иудейского вероисповедания [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7] и 11 православных [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 4]. Реальность же была иной. Так или иначе, в каждом населённом пункте республики действовали специально предназначенные для религиозных целей помещения. Чаще всего в качестве культовых зданий выступали кладбищенские постройки, официально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря, как, например, в с. Шордаково [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. Фактически продолжал действовать и ряд культовых зданий, официально закрытых в 20–30-гг., но так и не перепрофилированных под светские нужды, как, например, в с. Каменноостское [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. Неединичными были также случаи самовольного строительства новых культовых сооружений, как например, в с. Кызбурун I и Лечинкай [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10], причём в центре селений. Для различных протестантских течений типичным явлением была аренда под религиозные цели жилых домов, которые общины не раз намеривались приобрести в собственность, о чём и ходатайствовали уполномоченному (как например, представители обществ евангельских христиан-баптистов г. Прохладного, Нальчик и п. Майский) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 9].

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти официально незарегистрированные культовые здания и, вместе в ними, соответственно, религиозные общины, действовали в целом открыто и публично. Очевидно, что их наличие и фактическая деятельность были известны местным властям, равно как и то, что последняя прямо нарушала действующее законодательство о религиозных культах. Однако каких-либо мер для пресечения подобных явлений властями не предпринималось. Сам по себе этот факт довольно любопытен. По нашему мнению, он свидетельствует о

сознательном игнорировании местными властями явных нарушений религиозного законодательства и отсутствии каких-либо попыток к изменению ситуации. Видимо, наличие культового здания воспринималось как нечто само собой разумеющееся, как необходимый для нормальной жизнедеятельности социума элемент.

Другим аспектом, иллюстрирующим религиозную повседневность республиканского социума изучаемого периода, является вопрос о служителях религиозного культа. В соответствии с официальными данными, их число в республике коррелировало с количеством официально зарегистрированных религиозных общин, так как существовала жёсткая трёхкомпонентная связка: есть религиозная община — есть культовое здание — есть служитель культа. Поэтому на протяжении 40–80-х гг. XX в. количество служителей было стабильным и не превышало 25–30 человек.

Однако архивные материалы рисуют нам иную картину. Здесь красной нитью проходит тезис о том, что служители культа имелись в каждом без исключения населённом пункте республики и без их участия не проходила ни одна свадьба и ни одни похороны. Так, например, в Информационном отчёте «О состоянии и деятельности религиозных культов по КАССР на 1 января 1954 г.» уполномоченным отмечалось по этому поводу: «...что касается деятельности незарегистрированных служителей религиозного культа, то таковые имеются в каждом селении и они занимаются отправлением религиозных обрядов при похоронах и венчании по просьбе верующих» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10]. Источники свидетельствуют также об абсолютно явной заинтересованности как представителей власти конкретных населённых пунктов, так и рядовых их жителей в наличии служителей культа. Об этом свидетельствует, к примеру, активное участие руководства сёл в деле определения лиц, исполняющих религиозные требы, как, например в с. Баксаненок, где председатель сельского Совета лично назначил из нескольких претендентов человека на должность эфенди [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 32]. По этой же причине жители сёл порой даже брали служителей культа на, так сказать, коллективное обеспечение. К примеру, в с. Кызбурун II в 1952 г. был «...выявлен факт организации сбора кукурузы по одному пуду и 10 рублей с каждого двора в пользу муллы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2918. Л. 8]. Возможно, наличие в каждом населённом пункте своего служителя культа, так же, как и культового здания, считалось абсолютно необходимым элементом для нормальной жизни социума.

Однако только ритуальной сферой деятельность служителей культа в республике, в общем, и ограничивалась. Фактов их привлечения, например, к решению семейных споров, вопросов наследования и пр. не зафиксировано, что свидетельствует об отсутствии в социуме потребности в возрождении системы судопроизводства на основе норм религии, хотя сама эта система здесь была официально ликвидирована по историческим меркам совсем недавно. Также в республике практически не велась проповедническая деятельность, что, возможно, являлось следствием отсутствия у большинства служителей культа глубоких и системных познаний в религиозной области и их формально нелегальным положением.

Тотальный охват наблюдался и в отношении участия населения в основных религиозных праздниках, а также соблюдения ряда ключевых религиозных предписаний (поста-Уразы, запрета на употребление в пищу свинины и т.п.). В рассматриваемый период властям республики немало проблем доставляло ежегодное празднование Курмана. Так, например, в 1947 г. руководство одного из колхозов было обвинено в раздаче государственного скота в дни данного праздника [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 44–45]. А годом позже было издано даже специальное распоряжение о срочной командировке в колхозы республики районного и партийного актива для предотвращения массового забоя крупного рогатого скота в связи с наступлением мусульманского праздника Курман, «...что могло поставить под угрозу выполнение государственного плана развития животноводства в республике» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 114. Л. 61].

Свидетельствуют ли приведённые выше факты о сильных позициях религии в социуме республики изучаемого периода? По нашему мнению, лишь отчасти. Данные сведения говорят в большей степени о массовом следовании определённого стереотипного коллективному поведению, а также продолжавшей исправно

функционировать межпоколенческой религиозной трансмиссии, благодаря которой основы религиозных представлений и шаблоны ситуативного поведения транслировались из поколения в поколение. Так, например, при исследовании вопроса о причинах укоренённости в одном из сел республики обычая соблюдения поста-Уразы среди молодёжи, на основе социологического опроса, проведённого аппаратом уполномоченного, был сделан вывод о том, что большинство представителей данной возрастной группы соблюдают его, так как «...следуют примеру старших из чувств почитания последних» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 20]. Следование данному религиозному предписанию сохранялось также и потому, что оно воспринималось как своего рода народная традиция, а не только как религиозная норма. Данный тезис исключительно важен, так как свидетельствует о прочной неразрывной связи в сознании рядовых граждан национального и религиозного компонентов. Красноречиво подтверждает его ещё один архивный документ, где отмечалось, в частности, что «...многие обычаи, правила, обряды в иных случаях не несущие в себе элементов религии, в других имеющие религиозную основу стали традицией и повинуваясь этой традиции молодого и старого, партийного и беспартийного хоронят по религиозным обрядам. В религиозный праздник Курман верующие и неверующие режут скот – такова традиция» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 212. Л. 4].

Заключение

Таким образом, в рассматриваемый период в кабардинском социуме религия, по большей части, удерживала прочные позиции в сфере отправления основных обрядов, относящихся к ключевым событиям жизненного цикла (свадьба, похороны), ряда главных праздников и религиозных предписаний. За пределами данной сферы сколько-нибудь значительного влияния религии на повседневную жизнь социума не прослеживается. В каждом населённом пункте имелись все необходимые для функционирования религии элементы, и, прежде всего, культовые здания и лица, исполнявшие требы. В свою очередь, атеистическая работа в данный период велась в мягкой форме, в большей степени путём распространения в противовес религиозным представлениям материалистических знаний. Эффективность проводимой работы, однако, была невысокой, а её воздействие на процессы в религиозной сфере – несущественным. Религиозная повседневность и атеистическая работа бесконфликтно сосуществовали, занимая каждая свою, чётко определённую, нишу, мало воздействуя друг на друга.

Список сокращений

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики

Библиографический список

1. Воронцов-Вельяминов, Б. Было ли начало и будет ли конец мира? / Б. Воронцов-Вельяминов // Кабардинская правда. – 1945. – 30 мая.
2. Горбатов, А.В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании / А.В. Горбатов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3–2 (59). – С. 157–160.
3. Дзагулов, М. Ураза – вредный пережиток прошлого / М. Дзагулов // Кабардинская правда. – 1949. – 28 июня.
4. Джабраилов, Ю.Д. Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе / Ю.Д. Джабраилов // Неприкосновенный запас. – 2014. – № 12. – С. 193–197.
5. Кирин, Ф. Есть ли жизнь на других планетах? / Ф. Кирин // Кабардинская правда. – 1950. – 24 сентября.
6. Никифоров, А.Л. Пути и средства официального идеологического воздействия на сознание советских граждан в послевоенные годы (1945–1953) / А.Л. Никифоров // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2009. – № 1. – С. 79–87.
7. Сабанчиев, Х. Ураза – вредный пережиток / Х. Сабанчиев // Кабардинская правда. – 1947. – 3 августа.

8. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
9. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 4.
10. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1, Д. 1710. Л. 44–45.
11. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2797. Л. 3.
12. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2918. Л. 8.
13. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 212. Л. 4.
14. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. Л. 19.
15. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8–10, 32.
16. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 31, Д. 166. Л. 20.
17. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 4, Оп. 1. Д. 114. Л. 61.
18. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2882. Л. 41.
19. Цавкилов, Б. Религия – вредный пережиток прошлого / Б. Цавкилов // Кабардинская правда. – 1948. – 11 июля.
20. Шмидт, Т. Труд создал человека / Т. Шмидт // Кабардинская правда. – 1947. – 1 августа.
21. Шоров, Ч. Ураза – вредный пережиток / Ч. Шоров // Кабардинская правда. – 1948. – 20 июля.

Текст поступил в редакцию 11.06.2021.

Принят к публикации 27.09.2021.

Опубликован 23.12.2021.

¹ Кабардинская АССР – Кабардинская автономная советская социалистическая республика существовала с 1944 по 1957 гг., в период депортации балкарского народа. С 1936 по 1944 гг. и с 1957 по 1991 гг. – КБАССР.

² «Кабардинская правда» – газета, выпускавшаяся с 28 апреля 1944 г. по 21 марта 1957 г., до 28 апреля 1944 г. выходила под названием «Социалистическая Кабардино-Балкария», с 22 марта 1957 г. по сей день – Кабардино-Балкарская правда.

References

1. Voroncov-Vel'yaminov B. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. May 30, 1945 (in Russian).
2. Gorbato A.V. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014, no. 3–2 (59), pp. 157–160 (in Russian).
3. Dzagudov M. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. June 28, 1949 (in Russian).
4. Dzhabrailov Yu.D. *Neprikosnovennyj zapas* [Reserve stock]. 2014, no. 12. pp. 193–197 (in Russian).
5. Kirin F. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. September 24, 1950 (in Russian).
6. Nikiforov A.L. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. 2009, no. 1, pp. 79–87 (in Russian).
7. Sabanchiev H. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. August 3, 1947 (in Russian).
8. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-780. Inventory 1. File 21, fol. 7 (in Russian).
9. *Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund R-780. Inventory 1. File 2448, fol. 4 (in Russian).
10. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 1. File 1710, fols. 44–45 (in Russian).
11. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 1. File 2797, fol. 3 (in Russian).

12. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 1. File 2918, fol. 8 (in Russian).
13. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 2. File 212, fol. 4 (in Russian).
14. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 2. File 347, fol. 19 (in Russian).
15. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 2. File 1053, fols. 8–10, 32 (in Russian).
16. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 1. Inventory 31. File 166, fol. 20 (in Russian).
17. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 4. Inventory 1. File 114, fol. 61 (in Russian).
18. *Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. Fund 9. Inventory 1. File 2882, fol. 41 (in Russian).
19. Cavkilov B. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. July 11, 1948 (in Russian).
20. Smidt T. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. August 1, 1947 (in Russian).
21. Shorov Ch. *Kabardinskaya Pravda* [Kabardian Truth]. July 20, 1948 (in Russian).

Submitted for publication: June 11, 2021.

Accepted for publication: September 27, 2021.

Published: December 23, 2021.